

Глава 38. Постройка дома

Цю Хуанянь приготовил обед и, немного подождав, увидел, как с задней горы вернулся Чуньшэн в сопровождении Мэн Удуна. Второй брат Мэн тащил на спине целую гору валежника, а в руках у Чуньшэна болтался жирный серый кролик. Мальчишка так запыхался и покраснел от восторга, что, казалось, его щёки вот-вот вспыхнут.

— Братец Хуа! Смотри! — Чуньшэн подбежал к нему, высоко подняв добычу. — Это Мэн-эргэ помог мне поймать кролика!

Мэн Удун весело осклабился:

— Мы дрова рубили, а там нора. Я на скорую руку сплёл силок, да и поставил на удачу. Глянь — и впрямь попался косою.

— Мэн-эргэ поставил петлю прямо у входа, мы совсем недолго подождали, а потом он как дёрнет — и кролик сам в неё влетел! — радостно добавил мальчик, подёргивая зверя за уши.

Цзюцзю, услышав шум, вышла во двор и осторожно потрогала тушку.

— Если аккуратно снять шкурку, как раз хватит на тёплую шапку.

Чуньшэн тут же спрятал добычу за спину:

— Брат Мэн обещал подарить его мне!

Удун лишь посмеивался, глядя на детскую перепалку. Он похлопал пацана по плечу:

— Так если тебе подарил, то и сестре тоже. Не будь жадиной, ты же будущий мужчина!

Цю Хуанянь улыбнулся и, ничего не говоря, протянул руку. Мальчик немного помялся, но всё же нехотя передал кролика старшему брату. Юноша унёс добычу в кладовую, решив заняться ею позже, и позвал всех к столу.

За обедом Чуньшэн то и дело вскакивал, размахивая руками и в красках расписывая, какой Мэн Удун герой. Он даже похвастался, что тот обещал научить его стрелять из рогатки. Лишь после того как Цзюцзю несколько раз тайно напомнила ему о приличиях, он немного притих.

— Прошу простить Чуньшэна за беспокойство, брат Мэн.

— Какое там беспокойство? С детьми всегда шумно, — отмахнулся Удун. — Мальчишка он

смышлёный, дай бог, и мой сын таким же вырастет.

Хуанянь заметил, как Чунышэн украдкой скорчил сестре рожицу. Цзюцзю лишь тяжело вздохнула, а Ду Юньсэ при виде такого поведения едва заметно нахмурился. При гостях Цю Хуанянь не стал отчитывать младшего, но в уме сделал пометку: нужно будет серьёзно обсудить воспитание ребёнка с Юньсэ.

Когда с едой было покончено, Ду Юньсэ сам встал и принялся убирать посуду. Увидев это, братья Мэн буквально лишились дара речи. Ладно бы это был обычный крестьянин, но Ду Юньсэ — сяо сань юань, будущий Вэньцуйсин! Даже их отец, простой мельник, никогда и пальцем не прикасался к кухонным делам.

— Хуа-гээр, и как только тебе это удаётся? — шёпотом спросил ошеломлённый Мэн Юаньлин.

Хуанянь ответил с самым невозмутимым видом:

— Я готовлю, он моет посуду — разве это не в порядке вещей?

Юаньлин промолчал, но в его взгляде промелькнула явная зависть. Благодаря стараниям хозяина дома, юноша сумел под благовидным предлогом задержаться подольше и дожждаться прихода Ду Юньчэна.

Войдя во двор и завидев Мэн Удуна и Мэн Юаньлина, Юньчэн на мгновение замер, а затем чинно со всеми поздоровался. Юаньлин, опасаясь выдать свои чувства, почти не смотрел на кузена и отвечал невпопад, чем заставил Хуаняня лишь сокрушённо качать головой.

— Ну чего ты молчишь? — тихо шепнул Цю Хуанянь другу. — Сами же хотели увидеться, вот и поговори с ним.

Юаньлин испуганно замотал головой:

— Нет-нет, мне и того, что увидел его, довольно. Не хочу мешать их учёным беседам. Нам с братом пора идти.

Он буквально потащил недоумевающего Удуна к выходу. Хуаняню осталось лишь проводить их до ворот и с досадой щёлкнуть Юаньлина по лбу.

— Хуа-гээр, я знаю, что ты за меня переживаешь, — пробормотал тот, понуриив голову. — Но тут хоть торопись, хоть нет — ничего не поделаешь. Быть может, пройдёт пара лет... и я вовсе об этом забуду.

Глядя вслед уходящим братьям Мэн, Хуанянь лишь вздохнул. В этом мире, со всеми его

строгими устоями и законами приличия, он не мог подтолкнуть друга к открытому признанию. Последствия неудачи могли стать роковыми. Но юноша твёрдо решил для себя: нужно будет осторожно разузнать у Ду Юньчэна, что тот думает о кузене. Если чувства взаимны, Хуанянь сделает всё, чтобы помочь этой паре.

***

Участок у дома Цю Хуаняня был маловат для задуманного строительства, поэтому он решил выкупить соседский сад. К югу от них жила госпожа Чжуан. Муж её давно скончался, единственная дочь вышла замуж в другую деревню, и женщина жила одна. Столько земли ей было ни к чему, да и сил ухаживать за садом не хватало.

Когда Хуанянь предложил выкупить землю, госпожа Чжуан с радостью согласилась — лишние деньги ей были нужнее. Они известили Главу клана, позвали сяньюэ и дибоа в качестве свидетелей и составили купчую. За полтора лян серебра Хуанянь приобрёл в вечное пользование более полутора сотен квадратных метров земли. Теперь в его распоряжении было просторное место, на котором можно было развернуться.

Мэн Удун посоветовал ему толкового мастера. Осмотрев участок, каменщик Ли принялся обсуждать с Хуанянем план будущего дома. Тот разложил лист бамбуковой бумаги и, взяв кисть, начал набрасывать чертёж.

— Старый двор пока трогать не будем. Выровняем сад, и основные постройки возведём там. Главный дом будет обращён на юг. В центре сделаем три комнаты, а боковые эрфаны пусть будут побольше — размером в две комнаты каждый.

В древнем зодчестве «одна комната» — это не замкнутое помещение, а площадь, ограниченная четырьмя колоннами. Стен между ними могло и не быть. У знатных особ покои были не только широкими, но и глубокими, поддерживаемыми множеством столбов.

К примеру, в ином времени и пространстве, где Цю Хуанянь жил прежде, Зал Высшей Гармонии в Запретном городе имел двенадцать колонн в ширину и шесть в глубину — это одиннадцать «комнат» фасада и пять «комнат» в глубину. Всего семьдесят две колонны образуют пятьдесят пять «комнат» площади — истинная роскошь!

Цю Хуанянь решил, что в центре его дома будет три комнаты — то есть каркас составят восемь столбов: четыре в ширину и два в глубину. В Династии Юй существовало правило: простые люди могли строить отдельные здания шириной не более чем в три «комнаты». Лишь те, кто имел заслуги, чины или титулы, могли позволить себе большее. Но на каждую хитрость находилась лазейка: богатые купцы обходили запреты, пристраивая тёплые павильоны — нуаньгэ — или открытые цветочные террасы.

Хуаняню пока такие излишества были не по карману, да и незачем — семья небольшая. К тому времени, когда они накопят на настоящий дворец, Ду Юньсэ наверняка уже достигнет чинов, дающих право на более роскошное жильё.

— С востока и запада поставим флигели по три комнаты. Свесы крыш сделайте подлиннее, чтобы защищали от дождя и снега. А между главным домом и флигелями я хочу видеть крытые галереи — так в непогоду будет удобнее переходить из комнаты в комнату.

Пока Хуанянь уверенными движениями кисти набрасывал план, мастер Ли не сводил с него удивлённого взгляда. Мэн Удун предупреждал его, что этот гээр — человек необычайного ума, но мастер не принимал слова всерьёз. Теперь же, видя, как ловко юноша чертит без всяких линеек, он понял: перед ним и впрямь мастер своего дела.

Когда с жилыми покоем закончили, Цю Хуанянь принялся за старый двор.

— Когда переедем в новый дом, старые хижинки снесём. Позади главного дома выстроим ряд построек хоучжаофан, а за ними разобьём новый сад. В саду сделаем отдельные ворота, а рядом со служебными постройками — калитку. Ещё нужна просторная конюшня. Рядом — уборная и сарай для дров. Здесь поставим навесы. Все груши и грядки сохраним, я потом ещё кое-что посажу.

Пусть лошади у них пока не было, юноша понимал: в хорошем доме конюшня должна быть обязательно. Пока там поживёт мул, а со временем и скакун появится. Мастер Ли, поначалу опасавшийся, что хозяин-дилетант будет давать глупые советы, теперь был полностью покорён. Если бы все заказчики так ясно понимали, чего хотят, работа шла бы вдвое быстрее!

— Мастер Ли, что скажете? Берётесь?

— Отчего же не взяться? Коли хозяин всё так складно расписал, грех не построить. Если я с этим не справлюсь, впору бросать ремесло.

— А в какой срок уложитесь?

Каменщик Ли знал, что перед ним человек состоятельный — одни сладости гаоляньи чего стоят, да и новый сюцай в доме пользуется уважением самого уездного судьи. Он немного подумал и ответил уклончиво:

— Всё зависит от того, как скоро вы желаете справить новоселье.

— Поясните, — прищурился Хуанянь.

— У меня двое сыновей, оба со мной работают. Старший уже настоящий мастер, младший тоже хваткий. Если наймёте всех троих, то за двадцать дней основной дом и флигели поставим. А ещё через десять — и хоучжаофан с конюшней закончим.

Обычно на такой объём работ уходило не меньше месяца-полтора, но мастер Ли давал слово уложиться в тридцать дней. Мэн Удун ручался за него, так что Хуанянь не сомневался в

честности работника.

— Ваша плата — пятьдесят вэней в день. Старшему сыну положим столько же. Младший пусть пока учится — за него платить не буду. Итого сотня вэней в день на троих. Если не уложитесь в сорок дней, лишнего не заплачу. Согласны?

Мастер Ли просиял и ударил себя в грудь:

— Какие сорок дней? В месяц уложимся! А если задержимся — ни вэня сверху не возьму!

Для каменщика такая плата была очень щедрой. В уезде Чжан богатые дома строили не каждый день, и такой крупный заказ на двадцать с лишним комнат был для семьи мастера настоящим подарком.

Первым делом нужно было выровнять участок. Бывший сад госпожи Чжуан зарос бурьяном и чахлыми деревьями. В назначенный по лунному календарю добрый день на помощь пришли сыновья Главы клана, Ду Баошань и Ду Юньху. Хуаняню и шагу ступить не дали — Ду Юньсэ усадил его в тень и велел просто наблюдать. Друзья и родные, знавшие, что Хуа-гээр после возвращения из города всё ещё пьёт лекарства, лишь по-доброму подшучивали над ним.

Сорняки выволокли, старые деревья срубили, забор снесли. Телега за телегой подвозили щебень и вязкую глину. Землю тщательно утрамбовали тяжёлыми бабами, создавая надёжное основание. Такой шумный переполох в деревне скрыть было невозможно. Скоро все от мала до велика знали: Хуанянь выкупил соседскую землю и строит большую усадьбу под черепичной крышей.

— Когда вдова Ли отошла в мир иной, все думали — пропала семья. А гляньте — и полгода не прошло, как хоромы строят.

— Как там в песнях поют? «Благородному мужу сами небеса помогают». Юньсэ — человек достойный, да и Хуа-гээр ему под стать!

— Госпожа Чжао так гордилась своим кирпичным домом. Вернётся — лопнет от злости, когда увидит, что и у этих дом не хуже.

— Кстати, Юньсэ давно дома, а от госпожи Чжао и след простыл.

— Да я слыхала...

***

Работа в новом дворе кипела, а по деревне ползли тёмные слухи о семье Ду Юньцзина. Многие

пытались выведать правду у Вэй Люхуа, но та лишь отмалчивалась. В один из дней невестка пришла к Хуаняню с маленьким Ю-гээр на руках, чтобы помочь Цзюцзю с вышивкой. Они устроились в тени груши, спасаясь от жары.

— Ты рассказывал про Ду Юньцзина, — начала Люхуа, приглядывая за девочкой. — Я мужу вначале ничего не говорила, но через пару дней он сам от людей услышал.

— И что Юньху? — Хуанянь плохо знал кузена, помнил лишь, что тот человек тихий и во всём слушается жену.

— Разволновался, хотел деньги забрать и в город ехать, искать их. Пришлось прикрикнуть на него, чтоб не дурил.

Женщина со злостью потянула нитку, и игла больно уколола палец. Она сунула его в рот, а в глазах заблестели слёзы. За годы замужества она натерпелась от свекрови столько обид и попреков, а её Ю-гээр едва не погиб по их милости. В её душе не осталось ни капли жалости к семье госпожи Чжао.

— Мама! Мама! — послышался тонкий голосок Ю-гээр, который неуклюже топал по двору.

Мальчик рос медленно — и ходить, и говорить начал позже сверстников. Даже сейчас, когда он стал лучше питаться, во всём сквозила какая-то медлительность. Вэй Люхуа даже возила его к лекарю в город, но тот сказал, что ребёнок здоров, просто всему свой черёд. Хуаняню нравилось играть с малышом: он медленно водил перед его глазами ярким фруктом, а Ю-гээр, посасывая палец, так же медленно поворачивал голову, напоминая маленького сонного ленивца.

— Иди к маме, маленький! — Люхуа отложила шитьё и прижала сына к себе.

Хуанянь дал ребёнку красную ягоду и обратился к невестке:

— Раз Юньху тебя послушался — значит, ещё не всё потеряно. Ду Баоцюань всё же его отец, и за столько лет привычка быть почтительным сыном пустила глубокие корни. Тебе ради сына нужно быть твёрдой и всё заранее продумать.

Люхуа кивнула:

— Мэн Фуюэ из дома Главы клана в последнее время часто ко мне заходит. К чему бы это?

— А ты сама не догадываешься? — вопросом на вопрос ответил Хуанянь.

Женщина замялась:

— Да я и поверить-то боюсь... Неужто и впрямь... разделят дом?

Юноша лишь многозначительно улыбнулся.

— Ох, кабы вышло так, я бы наконец покой обрела! — Люхуа прижала руки к груди.

— Госпожа Чжао в префектуре все деньги спустила, — напомнил Хуанянь. — Когда дойдёт до раздела, она вам и ломаного вэня оставлять не захочет. Тебе нужно подготовиться. Даже если Глава клана будет на вашей стороне, всё должно выглядеть по закону и обычаю.

Люхуа нахмурилась. Свекровь забрала в город всё серебро. Если дом разделят, те десять с лишним му земли наверняка пойдут с молотка. Землю им не дадут, денег тоже... За что же тогда бороться?

— Хуа-гээр, присоветуй, как быть.

Хуанянь посмотрел на стройку за старой стеной. Там вовсю гремели инструменты, и Ду Юньсэ зорко следил за каждым шагом каменщиков, не пуская Хуаняня на солнцепёк.

— Земля и деньги — дело зыбкое. Но разве у вас нет кирпичного дома?

— Так при разделе нас наверняка из него и попросят, — вздохнула Люхуа. — Кто же нам дом оставит?

— А я тебе скажу так: когда госпожа Чжао вернётся, она в деревне надолго не задержится.

Землю продать легко, серебро унести и того проще. А вот дом каменный в деревне быстро не сбудешь. У кого деньги есть, те на своей земле строятся.

— Не задержится? А куда ж они денутся? — изумилась Люхуа.

— Это уж их забота. Но после того позора, что Ду Юньцзин навлёк на свою голову, Глава клана их в деревне не потерпит — ради Юньчэна и чести других будущих учеников.

Старейшина не зря велел распускать слухи. Он хотел вытравить их из общины, сделать их жизнь невыносимой, чтобы они сами ушли. А семья Люхуа станет лишь поводом истраховым прикрытием для этого дела. Под крылом Главы клана женщина сможет отделиться от свекровь и не остаться у разбитого корыта.

Сердце Люхуа бешено заколотилось. Она и не чаяла, что старейшина задумал столь великое дело. Попрошавшись, она поспешила домой — нужно было ещё раз хорошенько наставить

мужа, чтобы тот в решающий миг по слабости духа всё не испортил.

***

Проводив гостью, Хуанянь заметил Цзюцзю, которая о чём-то глубоко задумалась, сидя на маленькой скамеечке. Он ласково погладил её по голове:

— Ну, покажи брату, что ты там нашла.

Под присмотром Вэй Люхуа вышивка девочки становилась всё краше. Ей нравилось придумывать свои узоры, и пусть не всегда выходило идеально, Цю Хуанянь лишь поощрял её старания. Невестка не раз удивлялась: Цзюцзю училась шитью не как тяжкому ремеслу ради куска хлеба, а будто играя.

Девочка протянула ему лоскут ткани, на котором была искусно вышита серая мордочка кролика — точь-в-точь как у того, что принёс Чуньшэн. Того кролика уже давно съели, а шкурку Хуанянь отдал в городок мастеру. За десять вэней мех очистили и выделали — теперь он был мягким и ждал зимы, чтобы стать тёплой шапкой.

— И для кого же это старается Цзюцзю? — заговорщически прошептал Хуанянь.

Девочка кивнула в сторону главной комнаты. Там Чуньшэн с самым несчастным видом переписывал букварь. Когда юноша разделявал кролика, мальчишка ещё дулся, но вскоре ему стало не до обид. Ду Юньсэ, проверив его успехи в грамоте, остался крайне недоволен и велел переписать уроки в тройном объёме. Пока не закончит — никакого двора.

Уже несколько дней Чуньшэн сидел взаперти. Новая рогатка и волчок пылились в углу, а Хуанянь, всегда прежде защищавший его, на этот раз лишь молча поддерживал строгость мужа. Мальчишка пытался протестовать — молчал и хмурился, не желая ни с кем говорить. Вот Цзюцзю и решила его подбодрить своим подарком.

Хуанянь похвалил сестру, но на душе у него было беспокойно. Воспитание детей было для него делом новым. Цзюцзю была подарком судьбы — послушная, умная, схватывающая всё на лету. С Чуньшэном же всё было иначе. Ему не было и семи — читать длинные нотации бесполезно, наказывать строго — ещё рано, можно лишь озлобить. А мелкие огрехи в его поведении уже начали проступать.

Пока же стройка и хлопоты на поле отнимали все силы, и они решили просто занять мальчишку учёбой, чтобы тот немного остудил пыл.

Вечером вернулся Ду Юньсэ. Его старая одежда была в заплатках, кожа покраснела от долгого пребывания на солнце, но во всём облике по-прежнему сквозило благородство, которое не скроешь никаким платьем.

Хуанянь зачерпнул из кадки свежей воды, смочил полотенце и подал мужу. Ду Юньсэ в эти дни трудился не покладая рук: днём следил за стройкой, вечером занимался хлопком. В деревне Ду все помогали друг другу за доброе слово и сытный обед, но Хуанянь строил не хижину, а настоящую усадьбу. Ожидать, что люди будут месяц работать задаром, было нельзя. Поэтому он нанял троих крепких парней из деревни за десять вэней в день: один помогал каменщикам, а двое в поле удаляли лишние бесплодные ветви, чтобы кусты не шли в рост, а отдавали силы плодам.

Ему было до боли жаль утруждать Юньсэ. Такой талант, такой блестящий ум, только-только снискавший славу сяо сань юань... Ему бы радоваться успеху, а он с утра до ночи в поле да на стройке.

— Цуньлань заходила, принесла солений. В такую жару ничего жирного не хочется, так что я сварил лапшу в кислом бульоне. Она уже остыла, садись скорее есть.

Теперь Хуанянь почти всё время проводил за готовкой. Хлопок рос не по дням, а по часам, новый дом обретал свои черты, и если бы не горькое лекарство по утрам, жизнь была бы и вовсе лишена печалей.

Прежде чем сесть за стол, Ду Юньсэ взял Цю Хуаняня за руки и тихо спросил:

— Как ты себя чувствуешь сегодня? Всё ли выпил, что велел Старый господин Гу?

<http://bllate.org/book/15363/1413463>